

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Над могилой Пазухина

Умер Пазухин, которого имя так неразрывно связано с великим *исправительным* движением 80-х годов. Давно ли мы погребали и гр. Дмитрия Толстого, который сумел оценить Пазухина и избрал его себе в помощники в то время, когда решился так смело и почти неожиданно приступить к перестройке расшатанного эгалитаризмом российского государственного здания?

Рухнули в вечность два столпа Церкви Русской — Алексей и Никанор.

А "Вестник Европы" жив. Издаются по-прежнему "Новости", и все тем же Но-товичем. Даже Шелгунов, и тот еще печатает свои творения.

И все эти русские и полурусские Терзиты не только живы и действуют, но даже за последние два года им посчастливилось втянуть в свою заразительную трясину и такого Аякса мистической и философской мысли, как Владимир Соловьев!..

И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно про-поведывать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого на земле.

Сколько бодрых жизнь поблекла,
Сколько низких рок щадит!
Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терзит!

(Жуковский, "Торжество победителей")

И он не только жив и свободен, но и мы сами все, враги его бредней, увеличиваем его преступную славу, возражая ему!..

Как же быть? Что делать? Чему верить? На что нам надеяться?

Разные течения жизни и мысли русской теперь так противоположны и так сильны.

Начнешь думать, начнешь вспоминать то, что видел, что слышал, что читал за последние пять лет... И не знаешь — какому чувству дать волю: радости или скорби за родину? — надежде или унынию? — стыду или гордости? Правильные, здравые, целительные русские чувства и понятия, правда, растут, растут с давно неслышанною силой; но и силы разрушительные, идеалы космополитической пошлости ничуть еще не хотят сдаваться... А в соседней и, к несчастью, уже столь близкой нам по духу Европе, все чаще и чаще слышны глухие удары подземного огня.

Медленно, но *верно* растет вглубь и вширь сила *последней* революции, неслыханной до нашего века в истории попытки все сравнить в однообразии "среднего" рабочего человека.

В Португалии, в Бельгии, в Италии, в Англии, во Франции, в Германии — везде, на глазах наших, все зреет и зреет социальный вопрос.

Религия везде почти в презрении или открыто гонима.

В значение монархического начала для Европы XX века (который все ближе и ближе к нам с каждым днем) кто, по совести говоря, может верить? Разве тот, кто не умеет читать живую книгу современной истории...

Все западные континентальные державы на глазах наших легко могут стать такими же умеренно-якобинскими республиками, как Франция.

Даже *лично* все современные нам монархи Запада не обещают ничего особенного; все они, за исключением Вильгельма II, или бездарны, или малолетни, или бессильны. Ни об одном из них не слышно ничего знаменательного.

Вот и мудрейшие из всех людей на Западе — представители римского духовенства — и те, в лице кардинала Лавижери, предлагают церкви своей примириться с республикой...

В Европе теперь единственная, *пока* еще действительная, монархическая сила видна только в положении германского императора. И то благодаря лишь тому, что "военные лавры" Гогенцоллернов еще свежи и не помяты жесткой рукой исторического рока. Но император Вильгельм хочет мчаться "на всех парах" к мечтательным целям, и пошатнись только он, потерпи только он одно серьезное поражение на поле какой-нибудь битвы, — что останется тогда в разъеденной либерализмом Германии от монархии Гогенцоллернов, кроме исторической памяти?

Да! Европа идет все быстрее и быстрее теперь к осуществлению того идеала всеобщей "мещанской" республики, о котором многие только мечтали и писали полвека тому назад.

Мне могут возразить, что социализм рабочих есть злейший враг того капиталистического мещанства, которое исключительно господствует в таких республиках, как нынешняя французская и все без исключения республики Нового Света; и что, признавая неотвратимый и непрерывный рост социализма, нельзя верить в будущность того якобинизма, который по сию сторону Атлантического океана осуществлен пока лишь в одной Франции...

На это я отвечу так: конечно, повсеместное господство мещанского капитализма может быть весьма непродолжительно. Но *пережить* его придется всей Европе неизбежно. С чистой повсеместной капиталистической и "рациональной" республикой социализму, выждав свое время, гораздо легче будет справиться, чем с таким более сложным обществом, в котором церковь, монархия и высшие сословия еще не совсем утратили свое влияние.

Окончательная победа социализма или совершенная его негодность одинаково могут обнаружиться с полной ясностью только тогда, когда, по выражению Карлейля, "голод и дендизм (богатство, роскошь) станут лицом к

лицу". Только тогда возможно будет решение этой страшной тяжбы, когда, кроме этих двух антагонистических сил, богатства и нужды, труда и капитала, не будет уже никакой третьей, вне их и над ними стоящей, регулирующей и примиряющей общественной силы.

Религия играет теперь везде на Западе второстепенную и служебную роль; серьезные привилегии сословий и общин почти все давно уничтожены; еще держится кое-как монархия.

Но и она должна погибнуть. Еще в 40-х годах большинство представителей теоретического социализма утверждало, что демократическая республика есть та политическая форма, при которой единственно возможно осуществление социальных задач.

Вот почему я говорю, что мещанскую всеобщую и, быть может, и федеративную (т. е. *международную*) республику придется Западу скоро переживать.

Слова Прудона, сказанные им в 51-м году, оказываются теперь пророческими словами. "Церковь, — говорит он, — как умирающая старая грешница, молит о примирении; боги ушли; цари уходят; привилегии исчезают; все хотят быть тружениками, "рабочими". С одной стороны, потребности удобств и некоторого изящества отвращают в наше время уличную толпу от прежнего грубого "санкюлотизма"; с другой — аристократия, ужасаясь своей малочисленности, спешит укрыться в рядах буржуазии... Франция, выражая все более и более свой истинный характер, дает пример и толчок всему свету, и революция торжествует, *воплощенная в среднем сословии*".

Я совершенно согласен с Прудоном. Революция XVIII и XIX веков вовсе не значит террор какой-нибудь и казни (террор может быть и "белый"); она не есть ряд периодических восстаний (восстания Польши; восстания басков в Испании, Вандея во Франции были *реакционного*, а не *революционного*, не *уравнительного* характера); революция не есть какое-нибудь вообще *антилегальное движение* (не все *легальное* зиж-дительно, и не все с виду незаконное разрушительно); такие определения *современного нам революционного движения* односторонни, узки и сбивчивы.

Если же мы скажем, вместе с Прудоном, что революция нашего времени есть стремление *ко всеобщему смешению* и *ко всеобщей ассимиляции* в тип *среднего труженика*, то все станет для нас понятно и ясно. Пруд он может желать такого результата; другие могут глубоко ненавидеть подобный идеал; но и врагу, и приверженцу станет все ясно при таком определении революции. Европейская революция есть всеобщее *смешение*, стремление уравнивать и обезличить людей в типе *среднего*, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека, — немного эпикурейца и немного стоика.

Для Запады это ясно. Но кто возьмется решить теперь, будет ли эта ассимиляционная революция *неотвратимо всемирной*, или найдет и она свой естественный и непреодолимый предел?

И если встретит она, наконец, могучий и победоносный отпор, — то откуда ждать его?

От "потрясенного Кремля"? Или от "стен недвижного Китая"?

Подумаем, вспомним, окинем умственным взглядом нашим весь земной шар.

Где *новые*, сильные духом неизвестные племена?

Их нет нигде. Азиатские народы — древни, африканские — бездарны, Америка — это все та же Европа, только более грубая и более бедная историческим содержанием. Америка, молодая государственно, — национально и культурно очень стара.

Все человечество старо. И недаром у него сухой рассудок все растет и растет; а воображение, чувство, фантазия и даже воля — все слабеют и слабеют.

Не молоды и мы. Оставим это безумное самообольщение!

Быть в 50 лет моложе 70-летнего старика — еще не значит быть юным.

Быть исторически немного (быть может, лет на 100) моложе Франции, Англии, Германии — еще не значит быть молодым государством, а тем более молодой нацией, как думают у нас многие.

Печальная иллюзия! Опасная ошибка!

Не вернее ли, не полезнее ли, ничуть не падая духом, но и не ослепляясь привычными фразами, "не обрастая словами"¹¹¹ (как любят обрастать ими, например, все "чистые" славянофилы), сказать себе так:

— Нет, мы не молоды! В некоторых отношениях мы даже дряхлы и не чужды всем тем недугам, которыми обыкновенно страдают стареющие народы. Но есть старость — и старость. Есть организмы, которые очень долго могут бороться с одолевающими их недугами последнего разрушения, и есть другие, которые не в силах вынести такой долгой борьбы. И мы не молоды уже, но благодаря тому, что правительство наше не отступило от Церкви, и благодаря тому, что Церковь Восточная всегда считала и считает Монархическую форму правления наилучшей формой для осуществления воли Божией на земле, — мы еще не скоро сдадимся. Мы не осуществили еще в истории назначения нашего; мы можем думать и мечтать об этом назначении весьма различно. Но несомненно и то, что мировое назначение у нас есть; ясно и то, что оно еще не исполнено. *Мировое* не значит — сразу и просто космополитическое, т. е. к своему равнодушное и презрительное. Истинно мировое есть прежде всего *свое собственное, для себя созданное, для себя утвержденное, для себя ревниво хранимое и развиваемое*, а когда чаша народного творчества или хранения переполнится *тем именно особым напитком, которого нет у других народов* которого они ищут и жаждут, тогда кто удержит этот драгоценный напиток в краях национального сосуда?! Он польется сам через эти края национализма, и все чужие люди будут утолять им жажду свою.

Я говорю: важно и спасительно для стареющей России не только то, что государство у нас не отступает от Церкви, но и то, что Восточная Православная Церковь Монархическую форму правления вообще почитает за

наилучшую для *задержания* народов на пути безверия, для наиболее позднего наступления *последних времен*. И это не только у нас, в России, но и в среде восточных единоверцев наших так думали еще недавно все те люди, у которых религиозные чувства не были подавлены и совращены с прямого пути эмансипационным национализмом. Например, было время, когда именно самые умные и самые религиозные из греков находили власть султана более полезной *для веры*, чем власть афинского парламента. Если все это позднее значительно изменилось, то, конечно, не *по существу* дела, но потому, что турки стали теперь слишком современными "*европейцами*", в самом дурном, антирелигиозном значении этого слова. Они стараются *ослабить* веру своих православных подданных, чего в старину они вовсе не имели в виду. В старину они угнетали *их самих*, как людей, но их *веры*, их церковных порядков они не касались.

Есть у меня небольшое поучение Епископа и затворника Феофана^[2], под названием "Отступление в последние дни мира".

Вот как понимает этот мыслящий аскет великое, *мистическое* значение *какой бы то ни было* Монархической власти, а тем более, конечно, православной.

Изобразивши сначала, как будут возрастать все больше и больше и неверие, и *разноверие*, до того, что наконец почти у каждого будет своя вера, преосвященный Феофан продолжает так:

"Древние толковники Св. Писания силою, удерживающею явление антихриста, считали, между прочим, и Римское Царство. В их время, когда Римское Царство еще существовало, можно было на него указывать, основываясь на пророчестве Даниила. В наше время если можно давать какой-нибудь вес подобной мысли, то разве в том отношении, если под Римским Царством будем разуметь Царскую власть вообще. Царская власть, имея в своих руках способ удерживать движения народные и держась сама начал христианских, не попустит народу уклониться от них, будет сдерживать его.

А так как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечение всех от Христа, то он и не явится, пока будет в силе Царская власть. Она не даст ему развернуться и помешает ему действовать в его духе. Вот это и есть удерживающее.

Когда же всюду заведут самоуправство, республики, демократию, коммунизм, — тогда антихристу откроется простор для действия. Сатане не трудно будет готовить голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции прошедшего и нынешнего столетий. Некому будет сказать властное "*veto*" (не позволяю), а смиренного заявления веры и слушать не станут. Вот когда заведутся всюду такие порядки, благоприятствующие раскрытию антихристовских стремлений, тогда явится и антихрист. До того же времени подождет, удержится.

На эту мысль наводят слова св. Златоуста, который в свое время представлял Царскую власть под видом Римского государства. "Когда, — говорит он, — прекратится существование Римского государства (т. е.

Царской власти), тогда придет антихрист; а до тех пор, пока он будет бояться этого государства (т. е. Царской власти), никто скоро не подчинится антихристу. После же того, как оно будет разрушено и водворится безначалие, — он устремится похитить власть и Божескую, и человеческую". Можно бы возразить при этом, что народ сам будет блюсти свою веру. Но трудно допустить, чтобы вера с течением времени возрастала в своей силе все более и более. *Приятно встречать у некоторых писателей светлые изображения Христианства в будущем³¹, но нечем оправдать их.* Точно благодатное Царство Христово расширяется, растет и полнеет, *но не на земле — видимо, а на Небе — невидимо*, из лиц, и там, и здесь, в царствах земных, приготовляемых туда спасительною силою Христовою. *На земле же Самим Спасителем предречено господство зла и неверия: оно и расширяется видимо, и когда уже очень возобладает, тогда дело будет только за почином;* подай только кто-либо влиятельный пример или голос сильный, и отступление от веры начнется.

Этот почин и сделает антихрист. Отсюда можно заключить, что удерживающее явление его есть еще и то, что нет должной подготовки к принятию его, еще не взяли перевес неверие и нечестие, еще много веры и добра в роде человеческом". (Душеполезные размышления. Выпуск 7, 1881 г. "Отступление в последние дни мира" — преосв. Еп. Феофана, стр. 9—14.) Так думает Еп. Феофан.

Что ж следует из этого? Какое отношение имеет это широкое, всемирное и печальное пророчество к тем скромным, по-видимому, практическим и даже будничным задачам, которые имели в виду граф Д. Толстой и Пазухин?

Отношение весьма тесное, по-моему.

Если стать на духовно-церковную точку зрения Епископа Феофана; если принять вместе с ним, что республика (*в наше время, конечно*) неизбежно, через равномерную и слишком большую личную свободу, ведет к безбожию, к торжеству антихристианских начал, ибо при этой форме правления нет уже никакой *внешней силы*, которая могла бы, посредством множества разнообразных мер ограждения, задерживать ход *внутренней* заразы, если вспомнить при этом о взглядах тех государственных людей и мыслителей, которые не верили в прочность монархий *смешанных, бессловных, эгалитарных*, то станет ясно, что и с точки зрения *истинного Христианства, духовно-церковного, именно в наше время, неравноправность политическая* (и даже отчасти гражданская) *в высшей степени полезна и спасительна для самой личной веры.*

Для *задержания* народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т. е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение) *необходима сильная Царская власть.* Для того же, чтобы эта Царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но — напротив того —

необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались *прочные сословные ступени*, необходимы *боковые опоры* для здания долговечного Монархизма.

Я позволю себе сказать даже нечто большее и совершенно противное преобладающему течению мнений и дел в XIX веке

Сами сословия или, точнее, сама *неравноправность* людей и классов важнее для государства, чем *монархия*.

Мы видели в истории *долговечные*, сильные, цветущие республики, более или менее аристократические; мы не видали *долговечных* демократических монархий. Их, строго говоря, и не было никогда до начала XIX века, до *воцарения* Наполеона I. Были в древности монархии более или менее *демократизованные* под старость; *чисто эгалитарных* государств не могло быть уже по тому одному, что во всех них допущено было *рабство*. И, однако, далеко *не полная* равноправность последних веков Греции и Рима, например, была достаточной для их расслабления.

В могучей и столь культурной Венеции не было монархии; власть дожа была ничтожна.

Англия (ныне уже демократизованная и столь уже похожая на все другие державы европейского материка) исполнила в истории свое великое назначение *не благодаря конституции* своей, а *вопреки ей*. Если бы прочность, сила, творчество и т. д. зависели от *самой конституции*, то, перенимая у Англии только эту сторону ее жизни, все государства Западной Европы должны были бы возрасти во внутреннем могуществе своем. Однако мы видим, что все эти западные государства испортили конституцией свой древний и прочный государственный строй и шаг за шагом идут к республиканской федерации, к утрате действительной самобытности. Из этого уже одного мы вправе заключить, что величие прежней Англии зависело гораздо более от политической *неравноправности*, чем от политической *свободы*. Политическая неравноправность была в Англии противоядием, противовесом политической свободе; лишь благодаря долгой *неравноправности* Великобритания так долго, так успешно и поучительно *переносила* свободу!

В прежней Франции монархия была самодержавна и сословна; в Англии монархия была издавна ограничена, но строй общества весьма неравноправен — где по закону, а где только фактически, но глубоко; в Венеции истинного монарха вовсе не было, но была аристократия. И все три государства эти были в свое время великими, не по боевой только силе, а внутренне могучие, своеобразные (т. е. культурные) государства.

Общая черта политической жизни у них была только одна — *неравноправность*.

Вот прямая и откровенная постановка государственного дела, без всяких лжегуманных жеманств.

Кто может отвергнуть такие грубые факты?

Сословная монархия, конечно, лучше и тверже аристократической республики, но аристократическая республика все-таки *надежнее* эгалитарной монархии, воздвигнутой на *смешанной*, зыбкой общественной почве.

Нация, когда-то сословная, нация, которая росла и развивалась (то есть *разнообразилась жизнью в возрастающем единстве власти*), может, конечно, *доживать* свой *государственный* век в виде вовсе бессословной монархии; она, эта смешанная и уравненная нация, может даже свершить еще великие и громкие деяния в последний период своего *отдельного* существования. Прежнее долговременное сословное развитие, разумеется, оставляет еще на некоторое время множество таких следов, таких *душевных* навыков, преданий, вкусов и даже полезных предрассудков, что уничтожить все эти плоды сословности не могут сразу новые впечатления и влияния бессословности; но если бессословность зашла уже слишком далеко; если *привычки* к ней вошли уже в кровь народа (а для этого губительного баловства времени много не надо), если никакая *реакция* в пользу сословности уже не выносятся, то самодержавный монархизм, как бы он силен с виду ни казался, не придаст *один и сам по себе* долговечной прочности государственному строю. Этот строй будет слишком *подвижен* и *зыбок*. Тьер уверяет, будто, что еще Наполеон I жаловался на то, что эгалитарная почва Франции — *песок*, на котором ничего прочного построить невозможно. Быть может, руководимый гениальным инстинктом своим, он и к завоеваниям стремился не для того только, чтобы прославить себя и славой укрепить свою династию, но вместе с тем и для того, чтобы неравноправностью *национальной*, внешней, *провинциальной* возместить недостаток неравноправности внутренней, сословной, *горизонтальной*. Французы, все политически и граждански между собою равные, могли бы, в случае успеха, стать привилегированными людьми в среде всех других покоренных наций. Великие представители великих движений стремятся ко многому и, бессознательно повинувшись историческому инстинкту своему, которому они сами нередко и настоящего названия не умеют найти, и в разговорах своих указывают на другие побуждения, часто гораздо более узкие или низменные. Счастливо и не совсем еще дряхло то государство, где народные толпы еще могут терпеливо выносить *неравноправность* строя. Я даже готов сказать и наоборот: счастливо то государство, где *народные толпы* еще не смеют, где они не в силах уничтожить эту неравноправность, если бы и не желали ее терпеливо выносить.

Самой земной Церкви или, говоря прямее и точнее, *самому спасению* наибольшего числа христианских душ, — по мнению духовных мыслителей, подобных Епископу Феофану, — нужен могучий Царь, который в силах надолго *задержать* народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному *своеверию*. Чтобы этот Царь, даже и *непреднамеренно*, положим, мог таким косвенным путем способствовать

личному, загробному спасению многих душ, чтобы даже и в том случае, когда он, заботясь прямо лишь о силе земного христианского государства, мог этим самым *косвенным действием* увеличивать число избранных и для Небесного Царства (как говорит преосвященный Феофан), ему необходима опора неравноправного общественного строя. И потому, всякий, кто служит этой неравноправности здраво, то есть в *пределах возможного и доступного по обстоятельствам и духу времени*, — тот, даже и не заботясь ничуть о спасении хотя бы моей или другой живой души христианской, а делая только свое, как бы сухое и практическое дело, *служит бессознательно, но глубоко, и этому спасению*.

Прочны ли будут плоды теперешней исправительной реакции нашей; окажется ли дворянство русское на высоте своего не только национального, но, быть может, и мирового (по дальнейшим последствиям) призвания, — мы этого не знаем. Европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ. В умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших — усталость и растерянность. Воля наша слаба; идеалы слишком неясны. Ближайшее будущее Запада — загадочно и страшно... Народ наш пьян, лжив, нечестен и успел уже привыкнуть, в течение 30 лет, к ненужному своеволию и вредным претензиям. Сами мы в большинстве случаев не к стати мягки и жалостливы и невпопад сухи и жестки. Мы не смеем ударить и выпороть мерзавца и даем легально и спокойно десяткам добрых и честных людей умирать в нужде и отчаянии. Из начальников наших слишком многие робки, легально-церемонны и лишены горячих и ясных убеждений. Духовенство наше пробуждается от своего векового сна уж слишком нерешительно и медленно. Приверженцев *истинно церковного, богобоязненного, прямого, догматического Христианства* еще слишком мало в среде нашего образованного общества; число их, правда, растет и растет... Но желательно видеть нечто *большее*. Писатели наши, за немногими исключениями, фарисействуют и лгут. Пишут одно, а думают и делают другое.

Но сила Божия и в немощах наших может проявиться!

И недостатки народа, и даже грубые пороки его могут пойти ему же косвенно впрок, служа к его исправлению, если только Господь от него не отступится скоро.

Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом "богоносцем", от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский, — он должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Не надо лишать его тех *внешних ограничений* и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем *смирение* и *покорность*. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом. Чтобы продолжать быть и для нас самих с этой стороны *примером*, он должен быть сызнова и мудро *стеснен* в своей свободе; *удержан* свыше на скользком пути эгалитарного своеволия. При меньшей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше *серьезности*, а при

большей *серьезности* будет *гораздо* больше и того истинного *достоинства в смирении*, которое его так красит.

Иначе, через какие-нибудь полвека, не более, он из народа "богоносца" станет мало-помалу, и сам того не замечая, "народом-богоборцем", и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей... Евреи были *гораздо* более нас, в свое время, избранным народом, ибо они тогда были одни во всем мире, веровавшие в Единого Бога, и, однако, они же распяли на кресте Христа, Сына Божия, когда Он сошел к ним на землю.

Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого *расслоения* общества, без *всех* возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатавшего сословного строя нашего, — русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмешения* и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *Новой Веры*, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит Еп. Феофан, вместе с другими духовными писателями. Не надо забывать, что антихрист должен быть еврей, что нигде нет такого множества евреев, как в России, и что и до сих пор еще не замолкли у нас многие *даже и русские* голоса, желающие *смешать* с нами евреев посредством убийственной для нас равноправности. Покойный Аксаков тоже находил, что тот, кто способствует равноправности евреев в России, *уготовляет путь антихристу*. Я сам слышал от него эти слова.

Замедление всеобщего предсмертного анархического и безбожного уравнивания, по мнению Еп. Феофана, необходимо для *задержания* прихода антихриста.

Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии, необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и *страшен*, и *любим*, — необходима прочность строя, меньшая *переменчивость* и *подвижность* его; необходима устойчивость *психических навыков* у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины.

Честь же и слава тем немногим "бодырым" людям, которые, подобно покойным гр. Толстому и Алексею Пазухину, не "отчаялись в спасении отчизны" и сделали первые попытки, первые смелые шаги на пути нового органического и целительного расслоения нашего общественного материала. Плоды попыток этих еще зелены, самые попытки еще недостаточно, быть может, глубоки и решительны; но *пять каких-нибудь лет* для государства — немного времени. Будем ждать и надеяться...

В наше время одно уже решение *вступить* на подобный путь есть само по себе великое решение!

Слава Толстому! Слава Пазухину! Не их будет вина, если то доброе семя, которое они так честно и смело сеяли, не взойдет как следует и не даст хорошей жатвы русским людям XX века. Не правительственные деятели, нам современные, будут виною этого бесплодия, а те земские сословия наши, о которых идет здесь главная речь, дворянство, если оно окажется недостойным стать опорой Царской власти, крестьянство, если оно до того уже развращено недавней полусвободой своей, что не сумеет ни стать хозяйственно на ноги, ни политически терпеливо понести более строгое и спасительное подчинение дворянам, даже и плохим.

---

^[1] Это удачное выражение "обрастать словами" принадлежит не мне, а Каткову Катков про И. С. Аксакова говорил "Он весь *оброс* словами!" Удивительно верно!

^[2] Тамбовского или Воронежского — не помню.

^[3] Напр., у Достоевского и Влад. Соловьева <Примеч. К Леонтьева — *Сост.* >